

ство несло в себе многое от платонического заряда, усвоенного при посредстве православно-богословской традиции. Наряду с реальным, страшным и убогим СССР в небесах парил его ослепительный метафизический двойник — тот, что был изображен в сталинской конституции, а равно в фильме «Кубанские казаки» и в прочих шедеврах социалистического реализма. Существенной приметой этого соцреализма, помимо его платоновских аспектов, представляется, впрочем, традиционная имперская футурология, закрепившаяся в России в эпоху Николая I. Именно тогда, в те романтические годы, литература повадилась переносить на современную Россию «приметы ее будущего», которые прозревали отечественные поэты и провидцы. В этом смысле поэтика «официальной народности» была, несомненно, важнейшим резервом досталинского социалистического мифотворчества.

В. М. МОЛОТОВ

Храм Христа

«Из книги Ф. И. Чуева «140 бесед с Молотовым»»

— Когда осуществляли план реконструкции Москвы, то снесли много исторических памятников...

— Например? — спрашивает Молотов.

— Храм Христа Спасителя.

— А... Храм Христа Спасителя.

— Теперь этот вопрос часто задают.

— Верно?

— Говорят, Каганович организовал?

— На него валят? Да (с улыбкой)? Это уж чересчур. Я не помню, то ли я был председателем, то ли членом этой комиссии, членом-то наверняка был. Приняли решение храм Христа Спасителя заменить Дворцом Советов. За это я проголосовал, но, когда проект показал архитектор Иофан — он не знаменитый архитектор, но как-то оказался наверху и дал проект такого колоссального здания, — тут я высказался против. Я сказал: «Я не подпишу». Начали уговаривать. Сталин сказал: «Надо подписать». Я знал, что сама эта мысль чепуховая. Познакомился с некоторыми замечаниями. Были разговоры, и мне стало ясно,

что если поставить Дворец Советов на месте храма, а вверху еще колоссальный памятник Ленину, тогда ноги-то будут видны, а голову не видно. Это абсурд какой-то! Памятник Ленину, а голова и вся фигура вообще не видны. Всякие туманности бывают, и это было бы частым явлением. Просто глупость архитектора, берется за такое дело. Я сказал: «Я не подпишу». Тогда настояли Сталин, Ворошилов, они входили в комиссию — и я подписал.

— Но зачем взрывали-то храм? Можно же было на другом месте этот памятник, если уж хотели, поставить?

— Это сознательно было уничтожено. Сам храм. Против него были возражения. Лично я не возражал... Сохранять храм в центре для чего? Это не какая-то древняя редкость. Это мы придумали. Не подходит он для Советской власти — в самом центре какой-то храм.

— Можно было бы какой-нибудь музей в нем открыть.

— Это правильно. Но неожиданно появился бассейн вместо памятника. Это тоже абсурд какой-то.

— Там, говорят, хорошие работы были.

— Да, там были хорошие работы. Отдельные, кажется, сохранились.

— Они теперь где-то валяются, а там все вместе были собраны. Имена георгиевских кавалеров выбиты. Это слава русского оружия.

— Церковное нам совсем ни к чему. Церковное совсем нехорошо — в самом центре Москвы.

— Зачем же было взрывать? Стоял — и пусть бы стоял!

— Недодумали. Оставить было нельзя, а взрывать тоже не стоило. Не стоило. Я тоже так считаю. Я вот участвовал в обсуждении этого вопроса...

— А почему-то все говорят, что Каганович взорвал!

— Каганович? Антисемитские настроения...

— Ну а кто? Сталин решил? Дал указание?

— Нет, это было принято Политбюро, и наша комиссия была за это.

— Чтоб взорвать?

— Нет, не взорвать, устранить придется храм. Не оставлять на этом месте.

— Но зачем взрывать было?

— Тут не знаю... Но ведь тогда было все равно — взрывать или не взрывать.

— Там такие стены были... Потом пытались ставить фундамент Дворца — ничего не вышло, поплыло.

— Меня это мало беспокоит. Ценности особой я в этом не вижу... Будут разговаривать. Пускай разговаривают. Без этого не обойдешься. Храм надо было снять.

— Под это дело много церквей вообще уничтожено... Закрывать можно. Жалко, что взорвали. Говорят, красивый был. Я не видел.

— Храм вы не видели разве? Он же долго держался.

— До моего рождения. Я в 41-м родился. Это ж до войны было.

— До войны? Пожалуй, да. Я уже не помню... Тут, наверно, не все правильно, но никаких особых претензий, по-моему, нельзя иметь.

— Но зачем взорвали?

— Ну а что значит взорвали? Все равно надо было храм убирать оттуда.

— Там же работы Васнецова, фрески...

— Это в музей, но ради этого храм сохранять, по-моему, нельзя.

— Храм — сам произведение.

— Да ну его к черту...

— Там бы уже не молились...

— Ну а для чего тогда он нужен?

— Стоял бы, как Василий Блаженный. Сталин ведь его спас!

— Это верно. Тот храм более древнего периода, а это уже XIX века. Много прошло лет, конечно, были и неудачные решения. Теперь они кажутся ошибкой, но не всегда так казалось.

09.12.1982

О месте для постройки Дворца Советов

<Протокол Политбюро ЦК ВКП(б)

№ 41 от 5 июня 1931 г. п. 65/65>

Решено остановиться в выборе места для постройки Дворца Советов на площадке Храма Христа Спасителя, во Дворце иметь один зал на 12–15 тысяч зрителей и другой — на 4–5 тысяч.